

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ФОРМА ПРОВОКАТИВНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А.А. Сапожникова, А.В. Ленец

В статье рассматривается «киберзапугивание» как наиболее распространённый вид проявления речевой агрессии в виртуальной коммуникации. Кибербуллинг определяется как агрессивное проявление речевой провокации в сети Интернет. В ходе анализа были выведены наиболее часто встречающиеся проявления речевой агрессии на материале англоязычного дискурса. В статье приведено описание основных характеристик провокативного общения в сети Интернет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: провокация, кибербуллинг, речевой акт, виртуальная коммуникация

САПОЖНИКОВА Анастасия Александровна – аспирант кафедры немецкой филологии Южного Федерального университета. sapozhnikova_anastasia@mail.ru

ЛЕНЕЦ Анна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Южного федерального университета. annalenets@mail.ru

Цитирование: Сапожникова А.А., Ленец А.В. Кибербуллинг как форма провокативного речевого поведения в сети Интернет // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 39–50. Режим доступа: www.tverlingua.ru

CYBERBULLYING AS A FORM OF PROVOCATIVE LANGUAGE BEHAVIOR ON THE INTERNET

Anastasia A. Sapozhnikova, Anna V. Lenets

This article presents "cyberbullying" as the most common form of verbal aggression manifestation in terms of online communication. Cyberbullying is defined as an aggressive manifestation of verbal provocation on the Internet. While the analysis, we found the most frequently occurring manifestations of verbal

aggression within the framework of the English-language discourse. The article describes the main characteristics of provocative communication on the Internet.

KEY WORDS: provocation, cyberbullying, speech act, virtual communication

SAPOZHNIKOVA Anastasia A. – post-graduate student of the department of German philology of Southern Federal University. sapozhnikova_anastasia@mail.ru

LENETS Anna V. – DSc in Philology, Professor, senior lecturer, Head of the department of German philology of Southern Federal University. annalenets@mail.ru

Citation: Sapozhnikova A.A., Lenets A.V. Cyberbullying as a form of provocative language behavior on the Internet // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. 2018. № 1. P. 39–50. Access mode: www.tverlingua.ru

Статья опубликована при поддержке гранта РГНФ 16-34-00014 «Коммуникативное взаимодействие как способ конструирования имиджа в современном виртуальном пространстве»

В современном мире виртуальное взаимодействие является важной составляющей коммуникации (Романов, 2017). Одним из отличительных признаков виртуальной коммуникации обнаруживается провокативное речевое поведение участников. Этимологическое начало термина «провокация» обнаруживается в латинском языке (lat. provocatio), где оно означало «подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций к действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые последствия» (НСИСИВ, 2005: 659). В современном речевом общении провокация может рассматриваться как одна из распространённых форм вербальной борьбы или манипуляции в различных сферах коммуникации.

Так, отечественные и зарубежные исследователи указывают на провокацию как метод политической борьбы (Глухова, 2016: 240); агрессивную форму воздействия (Воронцова, 2016: 110); оружие информационной борьбы (Солошенко, 2016: 160); форму молодёжного экстремизма (Patchin, Hinduja, 2006: 151); фреймовую коммуникативную стратегию (Середухина, 2013: 314).

В современной лингвистике под провокацией понимается Т.А. Середухиной как «особая совокупность речевых актов, приводящая к выполнению конкретных (необходимых провокатору), осознанных, вербальных и невербальных действий со стороны адресата. Провокация строго индивидуальна и может быть направлена только на образованного, умеющего логически мыслить человека» (Середухина, 2013: 315). Сравнивая провокацию с манипуляцией, исследователи отмечают, что объектом провокации является адресат с активным сознанием, а не пассивным (как в случае манипуляции). Провокация при этом осознаётся как логическая цепочка высказываний (Кара-Мурза, цит. по Середухина, 2004: 126). Из этого следует, что речевая провокация сознательно применяется говорящим для достижения поставленной коммуникативной цели.

Зачастую в современном виртуальном пространстве такое провокативное агрессивное речевое поведение коммуникантов превращается в целенаправленное преследование собеседника, которое получило название кибербуллинга. Буллинг (англ. bullying) образованно от английского “bully”, что в 1530-х значило «возлюбленный» или «возлюбленная». В XVII в. слово изменило свое семантическое значение на «угнетатель слабых», возможно, под влиянием английского слова “bull”, которое означает «бык» (Online Etymology Dictionary). В современной лингвистике используется термин «кибербуллинг», который обычно определяется как преднамеренное пагубное поведение, осуществляемое с помощью цифровых средств, таких как мобильные телефоны или интернет (Patchin, Hinduja, 2006). Основной

целью кибербуллинга является ранить, расстроить или унижить собеседника. В Интернет-пространстве кибербуллинг принимает форму обидных текстовых и MMS сообщений, а также грубых записей в блоге или социальных сетях. Для кибербуллинга часто используются электронные сообщения и специально созданные сайты с целью унижения человека.

Целью данной статьи является описание основных характеристик кибербуллинга как формы провокативного общения в сети Интернет на материале сайта nobullying.com.

Все события, происходящие в мире, обсуждаются на виртуальных площадках, где пользователи могут оставлять свои комментарии и вступать в диалог, в том числе и агрессивный. Основной особенностью кибербуллинга, как и любой текстовой виртуальной коммуникации, является анонимность, при которой провокатор не видит лица своей жертвы, не знает о её эмоциональных реакциях, что не вызывает чувства сопереживания (Черкассенко, 2016: 55). Анонимность даёт чувство дистанцированности отправителю от своего собеседника и не позволяет наблюдать эмоциональную реакцию оппонента на комментарий. И как результат у агрессора возникает чувство полной безнаказанности (Lenhart A., Saskia S.).

В отечественной литературе синонимично используются определения «Интернет-травля» и «киберзапугивание» (Парфентьев, 2009), которые наряду с кибербуллингом обладают следующими важными чертами:

– *намерение*: поведение должно быть преднамеренным, а не случайным;

– *повторяемость*: издевательство представляет собой модель поведения, а не один изолированный инцидент;

– *вред*: цель должна воспринимать причиненный вред;

– *цифровые средства*: компьютеры, сотовые телефоны и другие электронные устройства.

Обозначенные выше характерные черты кибербуллинга отличают его от традиционных издевательств (Hinduja, Patchin, 2010: 208). Вербальное проявление кибербуллинга является отражением речевой агрессии. В лингвистике выделяют три разновидности речевой агрессии:

1. *Эксплетивная* – наиболее прямая, резкая, импульсивно-эмоциональная форма вербальной агрессии (бранные инвективы; речевые акты угрозы, вердикты и категоричные требования и призывы).

2. *Манипулятивная* – более рационально-осознанные формы вербальной агрессии, основанной на идеологических трансформациях исходного смысла (инвективные ярлыки, средства диффамации).

3. *Имплицитная* агрессия, связанная с завуалированным выражением соответствующего иллюкутивного намерения (косвенные речевые акты, не прямые предикации, иронические инвективы) (Шейгал, 1999: 221).

Рассмотрим наиболее распространённые виды киберзапугивания, к которым относятся (von Marées, 2012:468-469): деструкция/ унижение, преследование, флейминг, имперсонизация, текстовые сообщения, создание сайта на примерах, обнаруженных на веб сайте cyberbullying.org, который занимается изучением кибербуллинга и оказывает психологическую поддержку пострадавшим.

Деструкция/ унижение – использование провокатором средств электронной коммуникации для распространения слухов с целью навредить репутации жертвы. Этот вид представлен на примере использования в высказывании средств диффамации: *«These girls would make up sexually explicit rumors about me even though at the time I was a virgin. They would instant message me and tell me I was going to die. They were going to kill me. I was afraid to leave the house, to have friends, to pick up the phone. I lived in fear for so long. I knew they were looking for a fight and I refused to give them one so I deleted all known online presence and changed my number. I became recluse, a prisoner in my own home»*. В приведённом примере адресат становится

жертвой слухов «*These girls would make up sexually explicit rumors about me*». Перлокутивный эффект дестабилизации эмоционального состояния адресата был достигнут, т.к. в дальнейшем имела место самоизоляция жертвы киберзапугивания «*I was afraid to leave the house, to have friends, to pick up the phone*». Следует отметить, что преследуемая была напугана «*I lived in fear for so long*», т.к. была уверена, что действия агрессоров принесут ей непоправимый физический ущерб, а именно приведут к смерти «*They were going to kill me*».

Преследование – этот тип включает в себя постоянную отправку оскорбительных и угрожающих сообщений через Интернет или сотовые телефоны и, соответственно, представляет собой эксплетивный вид речевой агрессии и может принимать форму вердикта. В отличие от флейминга, не предполагает форму диалога агрессора и жертвы. Примером может являться следующая ситуация: «*When I finished school my boyfriend and I broke up, he had been sleeping with another girl and after we broke up him, his friends and her friends would send me messages both on the phone and over the internet saying "you're fat" over and over. I got so many phone calls while I was at work and university. This continued for over 6 months and the police couldn't do anything*»

В данном сообщении реципиент получает сообщения, которые выражают агрессию при помощи экспрессива «*you're fat*». В данной работе все виды высказываний, которые интерпретируются как оценочные или включают оценочный элемент в свою интерпретацию, определяются как экспрессивы (Вольф, 2006: 66). Оскорбительный характер в отношении этой лексики детерминирован в силу сложившегося социально-культурного стереотипа в области красоты и эстетики. Иллокутивное намерение запугивания жертвы при помощи постоянно отправляющихся сообщений было достигнуто, так как, исходя из контекста, автор далее сообщил о преследовании в правоохранительные органы.

Флейминг – разновидность кибербуллинга, представленная грубыми, вульгарными и оскорбительными средствами языка, посредством которых хулиган намерен начать перепалку с жертвой. Флейминг выражен в эксплетивной и манипулятивной формах: «*I found my daughter was being cyber bullied a week ago. It had started a few weeks earlier but became extreme last week. This was part of an ongoing bullying campaign by a group of girls at her school after a broken friendship. When it became Cyber I kept copies of the harassment which was lucky as I was able to take it to the school. **She had been called vile horrible names, accused for things she hadn't done and set up to appear racist. There were threats of bashing. Finally she was provoked and she ended up using language out of character in retaliation***». В данном отрывке представлена отсылка к браным инвективам “*She had been called vile horrible names*” и средствам диффамации, а именно распространение ложной информации “*accused for things she hadn't done and set up to appear racist*”. Также присутствует речевой акт угрозы со стороны нападающих “*threats of bashing*”. В конечном итоге перлокутивный эффект был достигнут и жертва отреагировала на сообщения.

Имперсонизация – это акт выдачи себя за другую личность с целью издевательства и нанесения ущерба репутации жертвы. Имперсонизация также может быть представлена путем создания ложной жертвы. Понятие анонимности способствует проявлению данного явления и выражено в манипулятивной форме: «*Never to my face but online the **people who bullied me would make fake pages and put me on them saying I'm how and everything I'm willing 'to do' with a guy, but nothing on them were true...***». С помощью создания страницы жертвы, провокатор размещает диффамативные сообщения о жертве.

Текстовые сообщения – большинство провокаторов будут использовать текстовые сообщения для травли жертвы. Данный тип характеризуется большим количеством участников. Приведенный пример

отражает эксплетивный тип речевой агрессии: *«I stopped being friends with this girl who was just a bad influence on me, and she got a couple of her friends to hate me. On MSN they had a group chat room, and it was the two girls, and they were threatening to bully me at school, and I got scared about it. (The first girl) said if I came to school she would beat me up during recess, so during that day I hid in the bathroom at lunch»*. В этом отрывке присутствуют речевые акты угрозы («*they were threatening to bully me*», «*she would beat me up during recess*» *lunch*). Таким образом, при помощи менасивных высказываний, выраженных угрозами адресат смог добиться необходимого перлокутивного эффекта, а именно испуга адресата – «*I got scared about it*», «*during that day I hid in the bathroom at lunch*». Мы опираемся на определение, данное О.В. Эпштейн, которая определяет менасивный речевой акт как «коммуникативно-прагматический класс высказываний со смысловой доминантой угрозы» (Эпштейн, 2009).

Создание сайта – преследователи могут создавать сайты и страницы и заполнять их оскорбительными заявлениями и замечаниями с единственной целью – мучить, унижать человека. Основные формы выражения агрессии – эксплетивная и манипулятивная: «*When I was 15, a freshman in high school, I was bullied over the Internet and at school. I felt like it came out of nowhere. One day the group of girls I called friends turned against me viciously over MySpace. They created a fake MySpace profile for me, which contained my cell phone number and instant message name. They photo shopped obscene sexual photographs of me and posted them in this profile. I was getting calls and began being stalked by strange men*». В данном отрывке присутствуют средства диффамации «*these girls would make up sexually explicit rumors*». Иллокутивное намерение причинения вреда жертве было достигнуто в силу начавшегося реального преследования жертвы: «*I was getting calls and began being stalked by strange men*» (cyberbullying.org).

Таким образом, в найденных примерах кибербуллинг отражает все виды речевой агрессии. Наиболее частотными проявлениями являются эксплетивный и манипулятивный типы агрессии, которые проявляются в виде речевого акта угрозы и использования средств диффамации, в то время как имплицитное проявление агрессии нами найдено не было. Этому способствует структура самой сети Интернет и дистанцированность провокатора от жертвы. Главная цель кибербуллинга, таким образом, заключается в выведении адресата из стабильного эмоционального состояния, получении его ответной реакции на сообщения и втягивание объекта воздействия в коммуникативную кибервойну.

Ссылки – References in Russian

Вольф, 2006: 166 – *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006.

Воронцова, 2016: 110 – *Воронцова Т.А.* Троллинг и флейминг: речевая агрессия в Интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Т. 26. Вып. 2, 2016. С. 109–116.

Глухова, 2016: 240 – *Глухова А.В.* Провокация: новые формы и старая сущность// Социальный мир человека. Материалы VI Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация в интеркультурном мире» / Под редакцией Н.И. Леонова. – Ижевск. 2016. С. 239–243.

Кара-Мурза, 2004 – *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2004.

Парфентьев, 2009: 66 – *Парфентьев У.* Кибер-агрессоры // Дети в информационном обществе. Т. 2. 2009. С. 66–67.

Романов, 2017 – *Романов А.А.* Роль дигитальной коммуникации в медийном пространстве информационного общества// Мир лингвистики и

коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 1–20. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Середухина, 2013: 314-315 – *Середухина Т. А.* Провокация как коммуникативная неудача // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. №10. С. 314–323.

Солошенко, 2016: 160 – *Солошенко С.С.* Троллинг как стратегия провокации в Интернет-дискурсе // «Современные тенденции развития науки и производства». Сб. материалов III Международной научно-практической конференции. Западно-Сибирский научный центр; Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева. 2016. С. 160–163.

Черкассенко, 2016: 55 – *Черкассенко О. С.* Кибербуллинг как способ проявления агрессии. Киев. Serenity-Group №10 (2) АРХИВАРИУС. 2016. С. 54–56.

Шейгал, 1999: 221 – *Шейгал Е.И.* Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования. Вып. 28. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1999. С. 204–222.

Хиндужда, Патчин, 2010: 208 – *Хиндуджа С., Патчин Дж. В.* Буллинг, кибербуллинг и суицид. Arch Suicide Res. 2010; 14(3). С. 206–221.

Патчин, Хиндужда, 2006: 151 – *Патчин Дж. В., Хиндуджа С.* Охотники выходят за пределы школьного двора: предварительный взгляд на киберзапугивание. Youth Violence and Juvenile Justice, 2006. 4(2). С.148–169.

Фон Марес 2012: 468-469 – *фон Марес Н.* Киберзапугивание: растущая проблема в школах. Sch Psychol Int. 2012. 33(5). С. 467–476.

Эпштейн (2009) – *Эпштейн О. В.* Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-5 // <http://cyberleninka.ru/article/n/kosvennyy-rechevoy-akt-ugrozy-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-angliyskogo-yazyka>

Ленхарт (2009) – *Ленхарт А.* Киберзапугивание и онлайн-подростки // <https://www.education.com/reference/article/cyberbullying-facts/>

Саскиа (2013) – *Саскиа С.* «Мы анонимус». Анонимность в общественной сфере - проблемы свободной и открытой коммуникации // <http://www.globalmediajournal.de/2013/05/28/we-are-anonymous-anonymity-in-the-public-sphere-%E2%80%93-challenges-of-free-and-open-communication/>

References

Cherkassenko, O. (2016) Cyberbullying as means of aggression manifestation, Kiev, Serenity-Group №10 (2) *ARHIVARIUS*, pp. 54–56 (in Russian).

Cyberbullying.org (2017) // <https://cyberbullying.org/stories>

Epshtejn, O. (2009) Indirect speech act of threat in political discourse (on the material of the English language) // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN*, 2009, №4-5. // <http://cyberleninka.ru/article/n/kosvennyy-rechevoy-akt-ugrozy-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (in Russian).

Hinduja, S., Patchin, J. (2010) Bullying, cyberbullying, and suicide, *Arch Suicide Res*, 14(3), pp. 206–221.

Kara-Murza, S. (2004) Manipulation of consciousness, M., Algoritm (in Russian).

Lenhart, A. Cyberbullying and Online Teens (2009) // <https://www.education.com/reference/article/cyberbullying-facts/>

Online Etymology Dictionary (2017) // <https://www.etymonline.com/word/bully>

Parfentev, U. (2009) Cyber aggressors // *Children in the information society*. B. 2. pp. 66–67 (in Russian)

Patchin, J., & Hinduja, S. (2006) Bullies move beyond the schoolyard: A preliminary look at cyberbullying, *Youth Violence and Juvenile Justice*, 4(2), pp. 148–169.

Saskia, S. "We are Anonymous" Anonymity in the Public Sphere – Challenges of Free and Open Communication (2013) // <http://www.globalmediajournal.de/2013/05/28/we-are-anonymous-anonymity-in-the-public-sphere-%E2%80%93-challenges-of-free-and-open-communication/>

Shejgal, E. (1999) Verbal aggression in political discourse // *Voprosy stilistiki: Antropocentricheskie issledovaniya*, Saratov, Izd-vo Sarat.un-ta, №. 28, pp. 204–222 (in Russian).

Sereduhina, T. (2013) Provocation as a communicative failure // *Vestnik CHGPU №10*, pp 314–323 (in Russian).

von Marées, N. (2012) Cyberbullying: an increasing challenge for schools, *Sch Psychol Int.* 33(5), pp. 467–476.

Volf, E. M. (2006) *Functional evaluation semantics*, M., KomKniga (in Russian).